

ЭТА публикация к сороковинам Булата Шалвовича ОКУДЖАВЫ - дань памяти поэту. Нигде не опубликованное интервью, записанное четырнадцать лет назад, каким-то чудом сохранилось на пленке. Булат Шалвович предчувствовал финал, и в январе 1996 года легло на белый лист одно из его последних откровений: "Мне повезло, что жизнь померкла лишь тогда, когда мое перо усердствовать устало..."

Б. О. - Либо мы с вами будем говорить откровенно обо всем, что нас волнует, либо мы уподобимся всем остальным и будем ходить вокруг да около, и толку никакого не будет. Вот видите, сейчас Андропов, не успев начать, тяжело заболел, и если что-нибудь случится, то неизвестно, кто будет. А жаль, потому что кое-что в его начинаниях было очень хорошее. Андропов во всяком случае попытался что-то сделать, но ему мешал аппарат...

Вообще мне писать легче, чем говорить, интервью давать. Для меня что "Известия", что "Московский комсомолец", все это одно и то же - никто ничего себе не может позволить, все напуганы, все связаны рамками общего договора. Вся советская журналистика - одно и то же: иногда лучше, иногда хуже.

А мы с вами сделаем хороший материал. Может, будет от него польза какая-то, а не так - еще одну галочку поставить...

- Ваше обращение, уже в четвертый раз, к историческому роману - что это, уход от современности или же попытка решить какие-то современные вопросы через призму истории?

- Почему я обратился к истории? Трудно сказать. Ну, так я нашел удобную очень для себя форму. Понимаете, в течение многих десятков лет мы знали нашу историю очень искаженно, очень. А после XX съезда наступил другой период нашей жизни, у нас появилось больше возможностей узнать свою историю. Начался бум, исторический, и я тоже не избежал этого, это вылилось в желание писать.

Началось это случайно, с романа "Глоток свободы", как его называли, а по-настоящему он называется "Бедный Амвросимов". Политиздат предложил мне написать о каком-нибудь замечательном человеке. И я (у меня плохо было с деньгами, а они обещали очень большой гонорар) рискнул. И написал роман. Я начал писать о Пестеле, но, пока рылся в документах, Пестель перестал меня возбуждать, и у меня возник новый герой - Амвросимов, на примере которого мне хотелось как-то проследить, проанализировать, как влияли прогрессивные идеи того времени на простых людей, на обывателей. Ну вот я и написал этот роман, Политиздату он не понравился,

потому что он был не о Пестеле. Но его опубликовали в журнале "Дружба народов", он стал печататься за границей, во многих странах, в переводах. Тогда и здесь, видимо, спохватились, решили, что надо все-таки издать, и издали. И я почувствовал вкус к этому. Мне стало интересно.

Булат Окуджава. Сороковины

Не только последний роман, все мои романы у всех вызывают ощущение современных вещей, несмотря на точные реалии и сюжеты исторические. Я должен сказать, что 100-200 лет для истории - это не срок, человек не меняется за это время. История объективно всегда полна аналогий и параллелей - хочу я этого или не хочу. И каждый в меру своей "испорченности" это воспринимает. Я даже одному очень крупному чиновнику госбезопасности, который оказался моим читателем и попросил подарить ему роман, подарил "Похождения Шипова". Написал: дарю в надежде, что он не будет воспринимать жандармов как работников КГБ, Толстого как Солженицына, а императора Александра как Брежнева. Ну что делать? Потом, когда меня не то чтобы упрекали, но намекали на то, что я пишу исторические вещи с тем, чтобы рассказать о сегодняшнем дне и намекнуть на его несовершенство, я обычно отвечал, что если уж я очень взбурдачен несовершенствами, то мне гораздо легче написать стихотворение, сделать его песней, современной, острой, и спеть. Что и бывало неоднократно. А уж писать 5-6 лет роман для того, чтобы на что-то намекнуть...

А то, что романы так воспринимаются, - думаю, что это не недостаток вещи. Если уж я современный автор, то это должно ощущаться, потому что я пишу о себе. О чем бы ни писал - песни ли, романы, герои мои - это я. И дур-

ные, и хорошие, и женщины, и мужчины, потому что я себя знаю хорошо, мне с себя легче всего писать. Вот такая штука. Каждый роман, каждая вещь, которую я пишу, помогает каким-то путем мне исповедаться перед самим собой. Я специально для читателей не пишу, но я счастлив, когда чита-

телям это интересно. Вот такая вещь.

- У вас очень много песен, посвященных женщине, необыкновенно возвышенных. Как вы в жизни относитесь к женщинам?

- Так, как в песнях. Ничего добавить не могу.

- В вашей песне "Возьмемся за руки, друзья" вы опасаетесь, что наш век все-таки "нащупает брешь у нас в цепочке"? Это потому, что та нравственная система, которая была, и те идеалы себя пережили? Хотя даже во времена сталинизма, как ни страшно звучит, люди верили.

- В сталинские времена люди за руки не брались. Вернее, они брались, но - официально. Люди взялись за руки настоящему (я имею в виду какую-то часть интеллигенции, людей думающих) после пятьдесят шестого года. Но очень недолго держались. И я думаю, что дело тут не в обстоятельствах. Если завтра наступит время, будем примитивно называть его либерализацией, люди опять возьмутся за руки. Сейчас людей разогнали. Я так думаю. На эту тему даже написал стихи по следам "Возьмемся за руки", когда увидел, что все живут в одиночестве. Там были такие строчки: "Взяться за руки не, я ли призывал вас, господи? / Отчего же вы не вслушались в слова мои, когда / кто-то властный наши души друг от друга уводил? / Чем же я вам не потрафил? Чем я вам не угодил?"

- Что вам кажется на сегодняшний день самым тревожным?

- Не только сейчас. Давно уже. Думаю, самое страшное, что произошло в наше время, - то, что мы уничтожили трехсотлетнюю дворянскую культуру и религию, а хамство осталось в чистом виде. Я не идеализирую прошлое совер-

шенно, но тогда эти мощные столпы как-то облагораживали общество. Мы многое потеряли, если говорить о культуре. Отсюда и состояние душ неполноценное. Понимаете, мы можем и экономику восстановить, можем и сельское хозяйство привести в порядок, но какие бы реформы мы ни вводили, нам понадобится минимум пятьдесят лет, чтобы нравственность нашего общества сделать нормальной. Мы души потеряли, души.

В семнадцатом году стали сознательно разрушать трехсотлетнюю культуру. А взамен навязывали другие идеалы. Идеалы эти не имеют отношения к культуре. Идеалы - это категория политическая, так сказать, и общественная. А вот культура... Теперь, если бы не открытые наши двери, и не иностранцы в большом количестве, и не валюта, которая от них идет, и не выгода блистать за рубежом, у нас бы не было балета, который мы создаем не из любви к балету, а потому что это политически удобно. У нас не было бы многих церквей, которые мы тоже приукрашиваем для интуристов. А если бы мы эти церкви сохраняли как памятники истории Отечества?

И учителя сделать ничего не в силах. Ну что эта учительница несчастная? Она читает учебник, боится отступить от него, даже если она думающее существо, потому что ей по голове дадут за это. Я сам был учителем, знаю, что это такое, когда в школе 95% учителей - люди, поневоле выброшенные в эту профессию, ненавидящие своих учеников, раздраженные. А лицемерие какое процветает в школе! Души теряются еще и на том, что мы все воспитываем других, как бы забывая, что вполне достаточно воспитать самого себя... А знаете, что Чехов сказал в своих записных книжках? Умный любит учиться, а дурак учить.

И руководят нами невежественные люди. Им важно сейчас продержаться на этом месте. А что там будет с нравственностью... Они и слова этого не знают. Они не знают вообще ничего. Единственное, чего они хотят, - продержаться. Пробились на это место по трупам и хотят продержаться. Это так просто. Главная беда заключается в объеме лжи, которой пропитано общество...

- Мы же не сможем это напечатать...

- Конечно, я прекрасно понимаю...

- Я могу признаться - мне в редакции сказали: иди и быстро делай беседу с Окуджавой...

- Вот-вот! Потому что неизвестно, что будет дальше, да?..

Р. С. Нам сегодня известно, что было дальше... А то интервью в "Известиях" действительно тогда не напечатали.

Марина НЕВЗОРОВА

07.97

Булат

Окуджава